

УДК 343.14

**ЭЛЕКТРОННЫЙ НОСИТЕЛЬ ИНФОРМАЦИИ
КАК ИСТОЧНИК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ**

ELECTRONIC MEDIA AS A SOURCE OF EVIDENCE

Любовь Леонидовна Абрамова,

*начальник кафедры уголовного процесса
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск),
кандидат юридических наук*

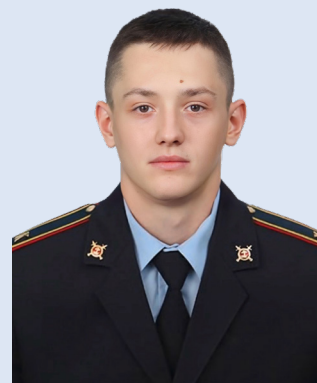
luba11177@mail.ru



Андрей Дмитриевич Нечаев,

*курсант
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск)*

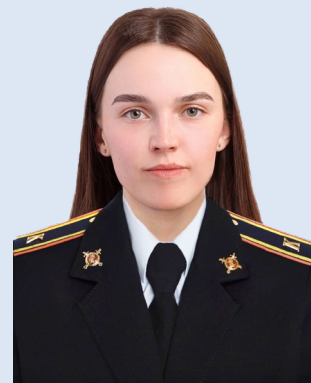
gfhddg70@gmail.com



Анастасия Николаевна Пономарева,

*курсант
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск)*

ponomareva_nastya@bk.ru



Ключевые слова:

электронный носитель информации, информация, электронный документ, хранение информации, источник доказательств, иные документы.

В статье обращается внимание на отсутствие закрепления понятий «информация» и «электронный носитель информации» в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, что существенно затрудняет отнесение полученных сведений к источнику доказательств. Авторы рассматривают правовую природу цифровых доказательств в уголовном процессе, исследуя их понятие и классификации, определяя место в системе доказательств по уголовным делам, а также нормативные предписания, посредством которых осуществляется правовое регулирование в данной области.

Keywords:

electronic media, information, electronic document, information storage, source of evidence, other documents.

The article draws attention to the lack of consolidation of the concepts of «information» and «electronic information carrier» in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which significantly complicates the attribution of the information received to the source of evidence. The authors consider the legal nature of digital evidence in criminal proceedings, examining their concepts and classifications, determining their place in the system of evidence in criminal cases, as well as the regulatory requirements through which legal regulation in this area is carried out.

В настоящее время цифровые технологии вошли в наш мир настолько прочно, что стали естественной и неотъемлемой частью жизни современного человека. Они внедрились практически во все сферы жизни общества: на сегодняшний день довольно трудно представить себе трудовую деятельность, которая так или иначе не была бы связана с применением информационных технологий. Не является исключением и правовая сфера. Так, сотрудники ОВД для облегчения и оптимизации работы все чаще пользуются продуктами технологического прогресса, автоматизируя все то, что раньше приходилось делать вручную. Однако и преступления также стали все чаще совершаться с использованием новейших технологий.

Информация окружает нас повсеместно. В сущности, все то, что мы видим, чувствуем и ощущаем, – это и есть информация. Само слово «информация» пришло в наш язык от латинского «informatio», что в переводе означает «знание» или «объяснение» [3]. В Толковом словаре С.И. Ожегова информация толкуется как «сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемые человеком или специальным устройством»¹. Это понятие используется в самых разных областях знаний и является одним из ключевых понятий в праве.

Юридическое определение информации дается в ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных техноло-

¹ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка : 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1994. С. 314.

гиях и о защите информации». Норма гласит, что информация – это сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. Особенную важность имеет информация для уголовного процесса. Ведь именно благодаря ей органы расследования получают представление о личности участников уголовного судопроизводства, об обстоятельствах произошедших событий, формируют доказательственную базу.

Процессуалисты предлагают разные определения информации. К примеру, А.В. Победкин трактует ее как признаки объекта, содержащие сведения о нем, существующие в виде сигналов, выполняющих функцию носителя данных к другому (воспринимающему) объекту, который способен принять и усвоить эти данные и использовать в зависимости от стоящих перед ним задач [8, с. 112]. Таким образом, ученый подчеркнул одно из важнейших для уголовного процесса свойств информации – возможность ее использования другим объектом. Именно в этом и состоит ее практическая ценность.

А.И. Зазулин толкует информацию в неразрывной связи с термином «информационный носитель», отмечая, что информация и ее носитель представляют собой содержание доказательств [4, с. 54].

Однако, несмотря на широкую распространенность электронных носителей информации (далее – ЭНИ), нормативного определения этого понятия ни в федеральном законодательстве в целом, ни в УПК РФ в частности нет.

Изучение подзаконных актов, касающихся данной тематики, позволило констатировать, что в Межгосударственном стандарте ГОСТ 2.051-2013 «Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения» имеется определение электронного носителя информации. К такому относится материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники. Полагаем, что такое определение во многом отражает сущность ЭНИ, и потому полагаем возможным данное понятие закрепить и в УПК РФ, например, в ст. 5 в числе основных понятий, используемых в кодексе.

ЭНИ классифицируются в зависимости от различных критериев, которые мы рассмотрим подробнее.

Так, О.В. Овчинникова полагает, что ЭНИ по способу фиксации на них электронной информации можно разделить на:

- устройства, служащие для переноса и хранения данных (флешки, карты памяти и т.д.);
- персональные цифровые устройства (ноутбуки, планшеты, смартфоны и т.д.);
- Сеть Интернет [6].

Еще одно основание классификации ЭНИ предлагает Б.Я. Гаврилов. Известный процессуалист делит их по критерию энергозависимости на:

- энергозависимые (чья память работает только от постоянного источника питания). Данные на таких ЭНИ хранятся недолго – новые данные «вытес-

няют» старые, а если питание отключается, то все сведения теряются. К этой группе относятся оперативные запоминающие устройства;

– энергонезависимые ЭНИ (это флешки, внешние жесткие диски, usb-накопители и т.д.) [2, с. 72].

Обращает на себя особое внимание классификация, предложенная М.П. Перякиной, С.В. Унжаковой и Н.Э. Шишкиной, в соответствии с которой ЭНИ можно разделить на те, которые предназначены для многократной записи информации и те, на которые записать данные можно только однократно [7, с. 81].

Достаточно обширную классификацию ЭНИ предлагает С.В. Зуев:

– персональные устройства (смартфоны, планшеты, ноутбуки, флешки и т.д.) – то есть предметы, которые на сегодняшний день имеются у каждого современного человека, которыми он пользуется в повседневности, пополняя их новыми данными. К этой же категории цитируемый автор относит страницы в соцсетях (например, во «ВК»), ведь они тоже являются «предметом» повседневного использования и пополняются личной информацией;

– информационные системы (имеются в виду разные базы данных, например база данных какой-либо организации, платежные системы, системы безопасности и т.д. – то есть те, которые используются в корпоративных целях);

– сетевые устройства (Интернет, Облако, корпоративные и локальные сети, системы навигации и т.д.);

– системы информационной безопасности (это все виды программного обеспечения, например «Microsoft Office»);

– средства фиксации, служащие непосредственно для противодействия правонарушению, их обнаружению и предупреждению (например, АДИС «Папилон») [5, с. 32].

Нетрудно заметить из анализа классификации ЭНИ, что многие авторы причисляют к ЭНИ смартфоны. Однако не все процессуалисты с этим согласны, до сих пор данный вопрос в научной среде остается дискуссионным.

Стоит сказать, что подобные дилеммы возникают и на практике. В качестве примера можем привести уголовное дело, при рассмотрении которого в 2018 г. судом гражданин Н. был признан виновным в совершении серии краж из ручной клади, одежды, а также с банковских счетов потерпевших. В ходе обыска был изъят смартфон с фото- и видеозаписями, которые были приобщены к материалам дела как вещественные доказательства. Защитник обвиняемого ходатайствовал о том, что признать смартфон вещественным доказательством по делу нельзя, т.к. он не является ЭНИ. Суд и прокурор согласились с этим, и ходатайство было удовлетворено. Судья указал, что «смартфоны – это средства бытового пользования, не являющиеся ЭНИ и не требующие специальных знаний для их изъятия»¹.

¹ Уголовное дело № 1-25/18 // Архив Ленинского районного суда г. Ульяновска, 2018. URL: https://leninskiy-uln.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&id=126030239&deloId=1540006&_caseType=0&_new=0&srv_num=1 (дата обращения:

Однако с обозначенной позицией вред ли можно согласиться. На наш взгляд, смартфон вполне отвечает определению ЭНИ, данному в Межгосударственном стандарте ГОСТ 2.051-2013 «Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения». Так, он является материальным носителем информации, которая содержится в его внутренней памяти. Но при этом отметим, что информация может содержаться не только во внутренней памяти смартфона, но и в его извлекаемых конструктивных элементах, предназначенных для записи и хранения информации (например, на карте памяти). И если следователем используется именно эта информация, извлеченная с карты памяти, то в таком случае к числу ЭНИ будет относиться не смартфон, а карта памяти, помещенная в нем.

Подобные споры в очередной раз подтверждают настоятельную потребность нормативного закрепления понятия ЭНИ в уголовно-процессуальном законе.

Таким образом, можем подытожить, что электронная информация – это данные, хранящиеся и передающиеся при помощи средств техники, содержащиеся на определенном ЭНИ. ЭНИ, в свою очередь, – это материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники. ЭНИ классифицируются по множеству оснований, среди которых можно выделить способ фиксации данных, вид устройства, которое используется для хранения информации, кратность записи информации.

Законодательное определение доказательства в уголовном процессе в основе своей также имеет информационную компоненту. Так, согласно ст. 74 УПК РФ «доказательствами признаются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, установленном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела».

В этой же статье в ч. 2 устанавливается исчерпывающий перечень источников доказательств – показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, заключение и показания эксперта, заключение и показания специалиста, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий, иные документы.

Указания на существование в данном перечне отдельного вида доказательств в виде электронных носителей информации нет. Однако это не значит, что таковые не используются при расследовании уголовных дел.

В связи с этим закономерным становится вопрос: в какой самостоятельный источник доказательств должны быть трансформированы ЭНИ.

Так, в ч. 2 ст. 74 УПК РФ имеется устоявшийся самостоятельный вид – вещественные доказательства. Перечень вещественных доказательств приводится в ч. 1 ст. 81 кодекса. Данная статья также не поясняет, являются ли ЭНИ ве-

вещественными доказательствами. Однако системное толкование ч. 1 ст. 81 УПК РФ позволяет нам предположить, что перечень вещественных доказательств, прямо указанных в ней, не является исчерпывающим. На этот вывод наталкивает формулировка «иные предметы и документы, которые могут быть средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела». То есть теоретически ЭНИ можно отнести именно к иным предметам, подлежащим признанию и приобщению в качестве вещественных доказательств.

Между тем согласно п. 6 ч. 2 ст. 74 и ст. 84 УПК РФ помимо вещественных доказательств выделяется еще один самостоятельный источник (вид) доказательств – иные документы. Законодатель допускает их в качестве доказательств, если изложенные в них сведения имеют значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Таким образом, можно сделать вывод, что ЭНИ может быть в уголовном деле в статусе вещественного доказательства либо в статусе иного документа.

Ясности в этом вопросе в научной литературе также не существует.

А.М. Баранов считает, что после приобщения к делу ЭНИ становятся вещественными доказательствами, отраженными на материальном носителе [1, с. 65]. Это мнение текстуально поддерживается в п. 5 ч. 2 ст. 82 УПК РФ, который упоминает ЭНИ среди вещественных доказательств.

Другие исследователи утверждают, что согласно ч. 2 ст. 82 УПК РФ ЭНИ следует отнести к иным документам, так как они содержат реквизиты, характерные для документов, что поддерживает А.В. Ткачев [9, с. 133].

Существует также мнение, что ЭНИ следует рассматривать как отдельный вид доказательств и выделить для них отдельную статью в УПК РФ, основываясь на ч. 4 ст. 81 УПК РФ, где ЭНИ отделяются от вещественных доказательств и иных документов.

Становится вполне очевидным, что законодатель сам себе противоречит: в разных статьях УПК РФ он косвенно причисляет ЭНИ то к вещественным доказательствам, то к иным документам, то вовсе обособляет их и от первых, и от вторых.

По нашему мнению, ЭНИ необходимо выделить собственное, отдельное место в системе доказательств. Во-первых, на сегодняшний день ЭНИ распространены настолько, что им просто необходимо отдельное законодательное регулирование с учетом всех нюансов. Во-вторых, отнесение ЭНИ к отдельному виду доказательств позволит наиболее четко отграничить их от всех остальных доказательств, ведь они имеют собственную специфику собирания, исследования и оценки, которая существенно отличается от этапов работы с традиционными видами – вещественными доказательствами и иными документами.

Также целесообразно законодательно закрепить определение цифровых доказательств в уголовном процессе как «данные, полученные в электронном виде, подтверждающие факты и обстоятельства, значимые для расследования

Библиографический список

1. Баранов, А.М. Электронные доказательства: иллюзия уголовного процесса XXI в / А.М. Баранов // Уголовная юстиция. – 2019. – № 13.
2. Гаврилов, Б.Я. Способы получения доказательств и информации в связи с обнаружением (возможностью обнаружения) электронных носителей : учебное пособие / Б.Я. Гаврилов. – М., 2017.
3. Добровлянина, О.В. Некоторые аспекты о процессуальном изъятии (копировании) электронных носителей информации / О.В. Добровлянина // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2.
4. Зазулин, А.И. Обоснованность использования термина «электронный носитель информации» в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации / А.И. Зазулин // Правопорядок: история, теория, практика. – 2016. – № 4 (11).
5. Зуев, С.В. Основы теории электронных доказательств : монография / С.В. Зуев. – М., 2019.
6. Овчинникова, О.В. Собираение электронных доказательств, размещенных в сети Интернет / О.В. Овчинникова // Правопорядок: история, теория, практика. – 2016. – № 4 (11).
7. Перякина, М.П. Процессуальные и криминалистические аспекты изъятия электронных носителей информации в свете защиты прав участников уголовного судопроизводства / М.П. Перякина, С.В. Унжакова, Н.Э. Шишкина // Сибирский юридический вестник. – 2019. – № 3(86).
8. Победкин, А.В. Уголовно-процессуальное доказывание : монография / А.В. Победкин. – М., 2009.
9. Ткачев, А.В. Использование электронных (компьютерных) документов в качестве документов-доказательств и письменных доказательств в процессуальных отношениях / А.В. Ткачев // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 5(10).